

Глава III

«Да, сколько лет прошло, а память неистребимо возвращается к нему. Вот тут и задумешься, а было ли жизнью то, чем я жила после него? Порой, думается, и до него. Но, это уже мнительность. Это все детство, что до него. А с ним - полнота жизни. Во всем. Биение крови и нервов. Сгущенный образ времени в двух душах. Равных и разных одновременно. Сколько же времени прошло с тех пор, как мы... расстались. Расстались, разошлись, разбежались, разминулись... Все неточно. И является ли относительное расстояние окончательным расставанием? Вопросы, вопросы. Кому на них отвечать? Интересно, вычеркнул ли он меня из своей памяти? Из жизни - да. Тут все решено. А как исключить память, если она одна на двоих? Исключить, стало быть, - искалечить. Попытка переделать себя это попытка преодолеть прошлое в себе. А полноценное, здоровое преодоление не возможно без полного от него отказа. Прошлое - болезнь, запущенная как раковая опухоль. Она способна прогрессировать, если своевременно, пусть и насильственно, не удалить агонизирующую метастазу. Но, память живой организм. Она не допускает насилия и вивисекции. Это как хирургическое вмешательство без анестезии. Как забыть то, что суть плоть и кровь твоего естества, - родное, живое, теплое? Еще трепещущее жизнью мясо твоей памяти. Прошло... Обычно люди считают дни, месяцы, года, когда они разлучаются поневоле, выступающего против этой самоочевидности естества души и помыслов человека. А тут... тлеющее настоящее и полыхающее прошлое. В плане будущего - тихая гавань. Значит, старение? Покойная и сытенькая старость? И это есть жизнь? Не о том я думаю. Возраст. Года. Старость. Это не для меня. Мне ведь только двадцать пять. Четверть века, как ни крути. Стало быть, примериваюсь к веку, слава богу, не к вечности. Двадцать пять... По меркам человеческой жизни - самое ее начало. По женским меркам - пышущее здоровьем счастье, благополучие, уют. Все эти блага дают мужчины. Значит, необходим достаточный опыт жизни за спиной, чтобы к двадцати пяти обрести полноценное женское счастье благодаря переменам мужчин. Так заведено природой человеческого

общежития. У подавляющего большинства женщин такой опыт есть. Это сама природа, естественное течение жизни. Это срез материального мира. Считается, что это инстинкт продолжения рода. Опыт. Есть ли у меня то или другое? Кто из женщин задумывается об ошибках молодости, в моем случае - юности. Это необходимая норма, через которую надо пройти, чтобы затем удачно вписываться в человеческое мироустройство; знать с кем общаться, под кого ложиться, когда того требуют обстоятельства. Устройство на высокооплачиваемую работу, получение квартиры, поездки за границу, отдых на море. Вся жизнь - мужчины. Женская доля - торги. Кто больше предложит. Женщина выцарапывает себе крохи со стола мужчин. Подчас, если поднатореть и преуспеть в воровстве жизненных благ, можно урвать куски пожирнее. Это как само собой разумеющееся: вороватое счастье как счастье вообще. А бывает ли оно другим? Надо только быть хищницей. Все так живут. А что от жизни получила я? Блага? Материальное благополучие? Успокоенность в замужестве - как продолжение жизненного опыта? То да се. С бору по сосенке, с миру по нитке. А в целом, - ничего. Распад личного, распыление целого. Для чего жила, для кого самоутверждалась? Для себя. Сейчас это уже не существенно. Нет подлинного внешнего подтверждения собственной исключительности. А ведь к этому я стремилась. Состояться прежде всего, во что бы то ни стало. Как это? Как личность? Как женщина? Да, вот тут-то все мнимо, все призрачно. А было так ясно, так прозрачно, как вода в роднике в еще недалекие и незамутненные времена, когда не надо было задумываться: что это? для чего это? что из этого выйдет? к чему приведет? Надо было просто жить. Без объяснения себе поступков, обстоятельств жизненного вихря событий. Да, мне было хорошо с ним. Легко и просто. Без принуждения над собой нас влекло друг к другу. А если мы напоказ и сопротивлялись один другому, то это было необходимое условие обоюдоострой игры.

Все так было. А теперь случилось иначе. За окном ночь. Такая же неизбежная, как пропасть отчуждения между нами. В такую ночь ему так же бывало одиноко, если не сказать, тоскливо. Даже когда я была рядом. Он уходил в себя, отмалчивался».

Снег продолжал легко падать. Бестревожно сыпать невесомым молочным пухом на замершие в дремотной неге деревья, дома, заборы, дворы, дороги, мосты, авто; словом, на все, что предстало на его пути. Снег заметал сумеречный город с тем большей охотой, что был во всеоружии своего времени года и не предполагал сдачи позиций до весны.

«Как легко и просто вот так жить, как падает этот снег: знать, когда надо падать, и знать, куда надо падать. И ни о чем не думать». - Она прижалась лбом к холодному стеклу. Ветви деревьев, уже припорошенные снежком, четко прорисовывались на фоне обшарпанной стены внутреннего дворика. Пожалуй, деревья казались единственными одушевленными существами с руками и ногами в этом безмолвном мире, отбрасывающими темные, жуткие тени на белый покров двора. - «Да, деревья и их тени сопутствовали твоему вторжению в потаенный мрак замершего в спячке пространства, очерченного в замкнутых границах двора. Снежок, стало быть, так же выступал соглядатаем твоих невеселых дум по существу дела».

Высоко в небе ярко горели крупные звезды. Свободно и бесстрастно они рассеивали тьму времен своим светом, пронизали бездну расстояния вне времени и пространства между собой и нашей жизнью, отогревали наши взоры, устремленные к небу, указуя пути неокрепшему разуму в поисках лучшей доли, лучшей жизни. Вели наши души, вели наши судьбы. А мы все плутали впотьмах в этом мире, привнося хаос своих стихийных порывов в его изначальную гармонию и целесообразность. В первозданное совершенство мира человек привнес разрушение и гибель.